

Н.Ф. НАУМОВА
ВРЕМЯ ЧЕЛОВЕКА

Наумова Нина Федоровна - кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института системного анализа РАН: адрес: 117312 Москва, пр-т 60-летия Октября, д. 9; тел.: 135-44-33; 135-24-38. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект N 97-06-80243).

Часы эти дедовы, отец дал их мне со словами: "Дарю тебе, Квентин, сию гробницу всех надежд и устремлений. Дарю не с тем, чтобы ты блюл время, а чтобы хоть иногда забывал о нем на миг-другой и не тратил весь свой пыл, тщась подчинить его себе. Ибо победить не дано человеку, — сказал он. — Даже и сразиться не дано. Дано лишь осознать на поле брани безрассудство свое и отчаянье; победа же — иллюзия философов и дураков.

Уильям Фолкнер. Шум и ярость

Проблема времени в социальной и философской мысли

Страх перед временем родился, вероятно, тогда, когда возникло представление о жестоком Отце Богов — Кроносе, пожиравшем своих детей. Но и умудренное отношение ко времени было выражено тысячелетия назад. Екклезиаст напоминает нам: "Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки"; Человек не знает своего времени. Как рыбы попадают в пагубную сеть и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них" [1,9, 12].

В социологии время обычно трактуется только как объективное, физическое, то есть как независимая переменная¹. Например, в социологических моделях, по мнению А.Стинчкомба и Дж.Вендта, существует шесть видов причинных описаний связей между переменными, в зависимости от роли времени: "1) в "порядковом"... времени причина рассматривается как событие; 2) в "мгновенном" времени причинная переменная определяет зависимую без временного запаздывания (концепция времени в уравнениях регрессии); 3) в "постоянном" времени некоторые постоянные качества единицы анализа являются причиной событий, которые являются просто манифестацией этих постоянных качеств (например, в психометрических теориях); 4) время как дифференциал, где скорость изменения переменной мыслится как детерминируемая ее причинами; 5) время в неустановившихся... процессах, где причины оказывают свое истинное влияние только тогда, когда время приближается к бесконечному; 6) время как мера изменений в контекстуальных переменных (например, "дух времени")" [2, р. 51].

В.Н.Костюк, рассматривая социальное время, ограничивается простым упоминанием об "индивидуальном пространстве-времени" и о связи его с "биофизиологическими особенностями человека" [3, с. 42]. П.Штомпка, ссылаясь на мнение Э.Гидденса о необходимости включения "временного аспекта в понимание человеческого действия", даже не упоминает о переживании времени человеком. Для него

¹ Характерно, например, что В.Э.Шляпентох, анализируя роль времени в социологических исследованиях, ограничился оперированием объективным, физическим временем. Проблема восприятия времени человеком рассматривалась им только в связи с проблемой деформации субъективных оценок объективного времени [1].

"внутреннее время" — это характеристика функционирования социальной системы, соотношенная с временем ее преобразования и с историей, но не с временем человеческой жизни [4, с. 282-290].

Проблему переживания человеком времени как движущейся реальности своего внутреннего мира успешно изучает психология. Монография Е.И.Головахи и А.А.Кроника [5], посвященная анализу времени жизни человека, его отражению в переживании личности, способам его измерения и регуляции. Авторы исходят из того, что "собственное время личности интегрирует в себе как объективные временные отношения (природные и социальные), так и субъективное отражение этих отношений в процессе восприятия изменений, оценки длительности и последовательности событий, переживания отдельных свойств времени, формирования целостного отношения личности ко времени ее жизни" [5, с. 5]. Применяя разработанную ими причинно-целевую концепцию психологического времени, Головаха и Кроник установили зависимость значимости события в психологическом времени от его связи с другими событиями; особенности событий (их длительность, завершенность, структура, содержание) психологического настоящего, характер связей между ними, а также с событиями психологического прошлого и психологического будущего.

В последние годы социологи стали проявлять интерес к проблемам субъективного времени. Появились работы, где исследуются, например, механизмы интерпретации человеком прошлого [6] или связь переживания человеком темпов социальных изменений с другими элементами политической культуры [7], описывается образ будущего у представителей различных социальных групп [8]. Интересные результаты были получены А.А.Давыдовым².

Для осмысления понятия времени следует обратиться к древнегреческой традиции, в частности, "мифологеме судьбы". Тема судьбы, постоянно присутствующая в мифах и искусстве древних греков, тесно связана с культом героев. И главным основанием для героизации у греков, отмечает В.П.Гайденко, было не божественное происхождение, не чрезвычайная физическая крепость и могущество, не редкостный дар, не нравственное совершенство. Таким критерием было "исполнение предназначения, осуществление судьбы" [9, с. 91]. Судьба героя — это не что-то внешнее, чуждое и враждебное, не вереница случайностей, рок. У героя особое отношение к судьбе (и, следовательно, к времени): он сознательно принимает участие в единой мировой судьбе, его собственная судьба — это судьба-участь, удел. Он "всегда реализует предназначенное, либо свободным выбором, как Ахилл или Прометей, либо признавая себя виновным и принимая кару (Орест), даже сам осуществляя наказание (Эдип)" [9, с. 92]. Поэтому, делает вывод Гайденко, нельзя говорить о судьбе героя "как о чем-то абсолютно внешнем,.. скорее жизнь героя, все его поступки являются частью какого-то упорядоченного целого" [там же]. Это целое — мир судьбы как единства всего существующего, в котором все "предзадано и предсвершено", — то есть вечность. В этом мире судьбы у каждого свой удел, но только герой — и в этом суть героического — поднимается до принятия своей участи и добровольного осуществления того, что суждено. Суть древнегреческого героизма, таким образом, в приобщении к вечности, которое могло бы рассматриваться как победа над временем, если бы приобщение было "на равных". Но это не так, герой по отношению к вечности — лишь ее микроскопический элемент. В этом смысле герои так или иначе терпели поражение в борьбе со временем. Как судьба, которую нельзя изменить и можно лишь по-разному покоряться ей: зная ее и принимая ее, не зная и слепо следуя ей, зная и пытаясь сопротивляться.

Отношение к времени у эллинов было не только героическим.

² Автор выражает признательность А.А.Давыдову за возможность ознакомиться с рукописью статьи "Модель социального времени".

У них существовало и представление о нем как о не знающей жалости власти, которую человек должен преодолевать, освобождаясь от страха перед нею, противопоставляя ей не менее могущественную власть Зевса-победителя, изгнавшего Кроноса-время за пределы Эллады. "Это, несомненно, было определенного рода победой, — писал Н.Н.Трубников, — пусть частичной и местной, пусть только в сфере сознания, но от этого не менее значительной победой эллинского духа над временем, победой людей, преодолевших страх перед жестоким Кроносом, его духовную власть над собой..." [10, с. 33-34]. Во времени древние греки ценили не столько сомнительное будущее и уже не существующее прошлое, а настоящее, поскольку только оно — настоящее время в прямом смысле этого слова. И это стремление остановить мгновение — еще одна, и не безуспешная, попытка эллинов ускользнуть из-под ига времени.

Этот мотив — противостояние человека диктату времени — сохраняется и позже. Например, для искусства Возрождения было характерно гипертрофированное настоящее, заключающее в себе все времена. В том числе — античное прошлое, что позволяет ощутить связь субъективного и исторического времени. "Осознание могущества времени, — отмечает В.Н.Ярская, — наряду со стремлением к независимости, непокорности, бунтарским не подчинением реальной власти времени встречается в исландских сагах, у Петрарки и у Шекспира: "Не хвастай, время, властью над мной" [11, с. 158].

Отражение того напряжения, которое существует между человеком и временем, в научном познании было не столь драматичным, как в мифотворчестве и искусстве, но не менее глубоким и давним. Уже Аристотель сформулировал центральную проблему времени — о парадоксальном отношении между прошлым, настоящим и будущим. "Для всякой делимой вещи, если она только существует, необходимо, чтобы, пока она существует, существовали бы и ее части, или все, или некоторые, а у времени, которое делимо, одни части прошли, другие только будут, и ничто не существует" [12, с. 92]. То же, что есть, то есть некоторое "теперь", заключает Аристотель, — настоящее время — всякий раз неуловимым образом исчезает, во всякое мгновение оказывается другим и новым теперь [12, с. 94-95]. Другой фундаментальный вопрос связан с пониманием времени как движения, изменения. Однако, отмечает Аристотель, первое в отличие от последних, не изменяется. Поэтому скорость их протекания может измеряться временем. Но поскольку время временем же измеряться не может, то движение и время не одно и то же, а вопрос о природе времени остается открытым. Аристотель сделал важный шаг к идее относительности времени. Тем самым он оказался предтечей Лейбница, для которого время, в отличие от абсолютного математического времени у Ньютона, сохраняет всю полноту связи с движущейся реальностью. Лейбниц писал: "Я неоднократно подчеркивал, что считаю пространство, так же как и время, чем-то чисто относительным: пространство — порядком существования, а время — порядком последовательностей" [цит. по 10, с. 94]. Он предлагал понимание времени как внутренней характеристики движения, безотносительной к его измерению, т.е. сопоставлению с другими движениями, движениями маятника, часовых стрелок или светил. В связи с этим Трубников делает вывод, что "Лейбниц... не мог рассматривать время в каком бы то ни было узком и специальном его определении. Он не мог рассматривать его только как "физическое" (в современном понимании, более узком, чем в эпоху Лейбница) явление, относящееся лишь к миру познаваемых при помощи естествознания объектов" [10, с. 97].

Следующий принципиальный шаг в развитии представлений о времени сделал Альберт Эйнштейн. Достижения физики XX века в этой области не сводятся к тому, что она, как иногда утверждают сами физики, "сумела подвергнуть физическому и математическому анализу свойства реального времени" [13, с. 60]. Глубоко исследовав этот

процесс, М.Бунге пришел к выводу, что общая теория относительности произвела чрезвычайно существенные изменения в наших взглядах на пространство и время не благодаря, а вопреки тому, что "современные физики так заняты расчетами и измерениями, что их абсолютно не беспокоит то, что они совершенно не знают, что же они высчитывают и измеряют" [14, с. 88-89].

Но это не относится к Эйнштейну, для которого как раз последний вопрос был одним из ключевых. В своей новой физической концепции, которая отрицает существование единого для Вселенной, "абсолютного" времени, он рассматривает время как систему отношений между физическими событиями. "Всякое тело отсчета (система координат) имеет свое особое время; указание времени имеет смысл лишь тогда, когда указывается тело отсчета, к которому оно относится" [15, с. 180].

Для понимания позиции Эйнштейна и области ее применимости в гуманитарных науках важно не смешивать систему отсчета с наблюдателем (в примере Эйнштейна это поезд или полотно железной дороги, и пассажир поезда), то есть различать зависимость от системы отсчета и субъективность наблюдателя, измерения времени. В теоретической физике системы отсчета — материальные системы, а не психофизические субъекты. Некоторые исследователи из этого делали вывод, что людям недоступна никакая инерциальная система в подлинном смысле этого слова, с которой они могли бы вести свои наблюдения [14, с. 87].

Если это утверждение верно, то из него следует, что человек как личность, индивид ("психофизический субъект") существует в физическом исследовании времени только технически, как инструмент — отражающий, фиксирующий, измеряющий — или создающий другие технические инструменты измерения. Может быть, поэтому устранял личность из научного исследования времени и сам Эйнштейн. Он решительно заявил, что "для индивидуума существует "свое" ("I-time"), или субъективное время. Само по себе оно не поддается измерению" [16, с. 1]. В определенном смысле это верно, если иметь в виду современное, то есть физическое измерение времени, и современное, то есть философское, художественное, психологическое, социологическое представление о человеке.

Именно здесь и возникает фундаментальный для познания, понимания времени вопрос. В какой степени пригодно для исследования времени человека, времени человеческого бытия, переживания времени человеком время физическое, парадигма времени в физике? Точнее — можно ли ограничиваться рамками этой парадигмы? Что, например, является "телом отсчета", системой координат, когда человек "измеряет" свое собственное, индивидуальное, внутреннее время, "измеряющее" движение его переживаний, страхов, надежд, стремлений и потребностей? Это явно не поезд и не железнодорожное полотно. Так что же? Меняющаяся или стабильная социальная система? Собственная жизнь? Поток переживаний жизни, экзистенция? Внутренний мир, наполненный принципами, ценностями, установками, мотивами, целями? С чем он соотносит временные сдвиги? И с чем должен соотносить их исследователь, чтобы понять, например, куда направлена "стрела времени" человека, непрерывно или дискретно его внутреннее время и т.д.?

Если вернуться к теме борьбы человека с игом времени, то спокойное отделение субъективного времени в некоторую резервацию на территории физического времени означало бы отказ науки помочь человеку в этой изнурительной и, может быть, безнадежной борьбе, уход с поля боя. Эту позицию отчуждения четко выразил Г.Рейхенбах: "Даже при поверхностном рассмотрении становится ясным, что изучение времени является задачей физики, эмотивные реакции на поток времени не могут ответить на вопрос: что такое время?... Для решения проблемы времени не существует других способов, кроме методов физики... Если имеется решение

философской проблемы времени, то оно зафиксировано в уравнениях математической физики" [17, с. 32].

Время названо "величайшей метафизической тайной" и "сплошным парадоксом". Оно до сих пор сопряжено с парадоксами, начиная с элейских парадоксов движения, деления, впервые сформулированного Аристотелем и раскрытого Августином парадокса исчезновения времени, и кончая связанным с теорией относительности парадоксом "часов" ("близнецов", "астронавтов", "путешественников") и парадоксом Эйнштейна-Подольского-Розена. Но главный парадокс, на взгляд гуманиста, в другом. В той мере, в какой отчуждение физического исследования времени от переживания времени человеком, пренебрежение к "эмотивным реакциям" будет сохраняться и нарастать — в той же мере у человека будет усиливаться ощущение ига этого времени.

Иная позиция складывалась в философии. Напряженное взаимодействие человека со временем было предметом пристального внимания не только философов античности. Эта вечная тема нашла продолжение в "Исповеди" Августина. В ней дано последовательное и глубокое, подсказанное христианским гуманизмом понимание времени как времени человеческого бытия. Для Августина мир человеческого существования — это особый мир, у которого свое время. Мир человека — это его душа, которая слышит голос мирового порядка, — голос Бога. "Слова Твои, сказанные во времени, наружное ухо сообщило разуму, который внутренним ухом прислушивается к вечному слову Твоему" [18, с. 257]. Если позволить себе истолковать размышления Августина в контексте социологических представлений о человеке, то речь идет, видимо, о некоторой направляющей идее, системе ценностей, которая организует его деятельность и внутренний мир. Голос вечности может звучать не только как голос Бога, но и как голос высокой идеи, нравственного идеала, обретенного смысла жизни. Только голос вечности, приносящий с собой духовный порядок во внутренний мир человека, позволяет ему понять и упорядочить свое индивидуальное время, превратить в особое, субъективное, самостоятельное, а время физическое — в средство. Если голоса вечности нет в душах людей — "до сих пор в потоке времени носится их сердце и до сих пор оно суетно" [18, с. 261].

Именно такой неупорядоченный "поток времени" подвержен парадоксу своего исчезновения. Здесь и возникает вопрос: "Как могут быть эти два времени, прошлое и будущее, когда прошлого уже нет, а будущего еще нет? И если бы настоящее время всегда оставалось настоящим и не уходило в прошлое, то это было бы уже не время, а вечность; настоящее оказывается временем только потому, что оно уходит в прошлое... Разве мы ошибемся, сказав, что время существует только потому, что оно стремится исчезнуть?" [18, с. 264]. В связи с этим Августин подвергает сомнению и возможности для человека измерить "внешнее" время. Но для него это не тупик, проблему измерения подлинного, сопряженного с вечностью, времени Августин разрешает уверенно. "В тебе, душа моя, измеряю время... Есть три времени — настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего это память; настоящее настоящего — это непосредственное созерцание; настоящее будущего — это ожидание". Душа "и ждет, и внимает, и помнит: то, чего она ждет, проходит через то, чему она внимает, и уходит туда, о чем она вспоминает" [18, с. 277, 269]. Иначе человек "низвергается во время", строй которого ему неведом, мысли его и душа "раздираются в ключья шумной его пестротой" [18, с. 280].

Представления Августина, в частности, образ времени как "растяжения души", во многом близки к представлению о времени как длительности, предложенному А.Бергсоном. Оба они считали, что реальное, подлинное время живет в душе, в сознании человека, а любое измерение его чем-то внешним (например, физическим

временем, которое Бергсон называет пространственно-подобным, даже убудочным) искусственно, не дает ни знания о нем, ни понимания его сущности. Реальное время, длительность — это длительность существования самой реальности, переживаемой человеком. "Это, — пишет Бергсон, — не что иное, как разворачивание свитка", так как каждый человек чувствует, как мало-помалу проходит его жизненный путь, "но вместе с тем это также постоянное наматывание на клубок, потому что прошлое наше следует за нами, постоянно обогащаясь собираемым по пути настоящим, а сознание равнозначно памяти" [19, с. 199-200]. Следующие один за другим моменты длительности не просто сменяют один другого, а как бы проникают друг в друга, наполняют, обуславливают. Поэтому время как длительность "...имеет не только "течение" или "ход",... предполагает не только идею "целого",... но и идею "направления" и "цели".

Термин "длительность" как "внутреннее переживание времени" (по выражению Гуссерля) мы встречаем у А.Шюца — по отношению к потоку явлений (в феноменологическом смысле) этого мира, к жизни. Как отмечает Л.Г.Ионин, Шюц прибегает к феноменологическому анализу сознания, "напоминая, что процесс конструирования значений в потоке сознания есть процесс, происходящий *во времени*. Схватывание собственного переживания в акте рефлексии есть с необходимостью схватывание прошлого переживания, а не происходящего в настоящий момент... Шюц... приходит к выводу, что субъект не знает своего непосредственного настоящего и говорить о переживании как о значимом можно только о прошлом переживании" [20, с. 123, 162]. Это можно отнести, по мнению Ионина, и к социологии Дж.Г.Мида, который считал, что "реальность существует в настоящем", но "настоящее исчерпывается прошлым и будущим", а "всякое новое будущее требует нового прошлого" [там же]. Таким образом, социологические теории с феноменологической ориентацией тесно связаны с проблемой субъективного времени, в первую очередь — с проблемой связи прошлого, настоящего и будущего.

Для философии XX века, особенно для экзистенциализма, характерно внимание к переживанию времени человеком, которое описано с удивительной глубиной и трагичностью. Пафосом этих размышлений стало не просто понимание времени, а борьба с "внешним", объективным временем, завещанная С.Кьеркегором, считавшим его злейшим врагом человека. Согласно Кьеркегору [21], человек — синтез временного и вечного. Но не вечности как "антивремени", а другой, создающейся в человеке "становящейся вечности". Ключевой элемент существования во времени — *настоящее*, овладение которым ведет к победе над объективным, конечным временем, миг, полный напряженного духовного переживания, мгновение, где человек имеет настоящее как вечное, ибо постигает непосредственно свое прошлое, и в этот же миг перед ним раскрывается будущее. В формировании "становящейся вечности" три стадии. На первой, "эстетической", человек стремится к мигу наслаждения, поэтому время для него не непрерывно, неравномерно и в конце концов останавливается, оставляя только воспоминания. "Вечным", свободным оказывается только прошлое. На второй, "этической" стадии для человека главное — "общечеловеческое", нравственное, поэтому он включается в объективное время. Поскольку каждый момент с этической точки зрения содержит движение или к добру, или к злу, то время наполнено и непрерывно. На третьей стадии человек субъективно существует по законам вневременного "абсолютного блага", а внешне — по законам временности. Возникающее здесь напряжение разрешается поражением человека, подчинением объективному времени, или победой над временем, овладением "становящейся вечностью" через мгновение (и, добавим, видимо, на мгновение).

Хайдеггер различает два одинаково действительных

времени. Одно — "первоначальное", соотнесенное с человеком, "временность", которую он переживает как ограниченное рамками его жизни. Прошлое, настоящее и будущее здесь — не объективная последовательность, а результат свободных "выходов" человека в эти "измерения" для того, чтобы своей жизнью создать их единство. Но переживание времени человеком ориентировано на *будущее* как на перспективу, которая раздвигает рамки настоящего, позволяет увидеть его и связанное с ним прошлое в ином свете. В другом, "производном", "озабоченном", "мировом" времени, непосредственно с человеческим бытием не соотнесенном, время идет от прошлого через настоящее к будущему. Ориентация на настоящее характерна для этого, "мирового" времени, которое растягивает настоящее до бесконечности, выстраивая все три измерения времени вокруг него. По мнению Хайдеггера, когда мы говорим "тогда-теперь-потом", то имеем в виду "еще не теперь-теперь-уже не теперь", то есть дурную, однородную бесконечность "теперь-теперь-теперь".

Э.Тирикьян, опираясь на Хайдеггера, считает, что свобода "выходов" человека во время означает, что человеческое существование "простерто" в прошлое и будущее. "Прошлое и будущее, — объясняет Тирикьян, — не разделены непроходимой пропастью, наоборот, они являются в значительной своей части элементами настоящего, присутствуя в ситуации индивида" [22, с. 147]. Анализируя эту позицию, Л.Г.Ионин отмечает, что утверждение "о наличии прошлого и будущего в настоящем, о временной природе актуализации социальных феноменов" позволяет Тирикьяну сделать справедливый вывод об ограниченности деятельности социологов, когда они "сосредоточиваются на наличной социетальной структуре", "совершая тем самым серьезную ошибку" [там же].

Ж.-П.Сартр, в отличие от Хайдеггера, полагал, что подлинная "временность" ориентирована не на будущее, а на *настоящее*, на мгновенное постижение "теперь", отправляясь от которого человек открывает свое прошлое и заглядывает в будущее. Однако "теперь" у Сартра — это даже не мгновение и не момент. Это чистое "ничто", потому что в настоящем человек, личность "не есть то, что она есть (прошлое) и есть то, что она не есть (будущее)" [23, с. 124]. Прошлое воспринимается как постоянная угроза, и только будущее, вернее — проект будущего, может заполнить настоящее и преодолеть прошлое. Но будущее никогда не сбывается, в момент достижения цели оно "соскальзывает" в прошлое, становится "прошлым будущим". И человек вынужден тут же "убегать" от него прочь, в направлении нового будущего, отрицая тем самым уже достигнутое. И испытывая здесь, добавим мы, не меньшую зависимость от субъективного времени, чем от объективного.

В философских представлениях о времени имеются и уязвимые стороны. Во-первых, это активный антисциентизм, особенно у экзистенциализма и феноменологии, отрицание необходимости широко использовать объективные, в том числе количественные, методы для анализа времени бытия человека, переживания им времени. Философия, пишут Головаха и Кроник, "тем самым воспрепятствовала научной постановке и решению тех проблем, которые она сама выдвинула в качестве важнейшего направления развития гуманитарной мысли, всей духовной культуры" [5, с. 29].

Во-вторых, для анализа субъективного времени не плодотворно отношение упомянутых направлений философии к социальности, социальным отношениям и системам как к чему-то заведомо чуждому, неподлинному бытию, где перевес моментов настоящего приводит к тому, что "мир вещей" заслоняет от человека смысл его существования. С этой точки зрения социологический анализ переживания времени, действительно, нонсенс. Но не меньший нонсенс — попытка понять такой фундаментальный процесс внутреннего мира человека, как субъективное время, исключив из поля анализа огромный, мощный пласт факторов, непосредственно воздействующих на переживание времени, определяющих его

внутреннюю структуру, наполняющих это переживание социокультурным содержанием, формирующих "социальный состав" различных форм переживания (социально-демографические и другие признаки субъектов переживания).

Особенно остро проявляет себя проблема времени в кризисных, нестабильных, быстро меняющихся обществах, культурах, цивилизациях. В том числе — в современных реформируемых, модернизируемых странах. Многие сложности и прямые провалы социального управления возникают здесь из-за непонимания, незнания состояния субъективного времени и ритмов жизни населения, "человеческого", мотивационно-ценностного содержания тех временных программ и сроков, которыми оперирует это управление. Эпидемии депрессии и самоубийств, отвращение к власти и социальная нестабильность во многом связаны с тем, что реформаторы и реформируемые живут в разном субъективном времени. Они по-разному переживают не только настоящее, но и прошлое с будущим.

Но наименее приемлемым для социологического исследования времени является исходное представление экзистенциализма о человеке как обреченном, заброшенном, отчужденном существе, о заботе, тревоге и страхе как неотъемлемых и фундаментальных его состояниях. Такое видение человека делает бессмысленной саму постановку вопроса о борьбе человека с игм враждебного "внешнего", объективного времени. А тем более — о способности человека контролировать его, создавая время "внутреннее" и управляя им. Острота проблемы настоящего связана именно с проигрышной позицией человека в концепциях, где он жертва времени, своей конечности и страха перед ней. Только настоящее в руках человека, оно - поле для возможной борьбы. Но для этого настоящее должно быть чем-то большим, чем миг, мгновение или, тем более, "ничто". И эту задачу - обретение настоящего - человек может решать, только создавая свое внутреннее время, где границы трех времен он стремится определять сам. Недаром некоторые исследователи приходят к выводу, что "настоящее стало привилегированной территорией нашей культуры, внутри которой личность получает возможность фиксировать идентичность и опыт, делать реальность осмысленной" [24, с. 230].

Стратегический выбор

Кажется очевидным, что в переходных обществах, в ситуации социальной неопределенности, неустойчивости, становления особое, решающее значение приобретает не внешняя, а внутренняя детерминация социального поведения человека. Она может выливаться в различные жизненные стратегии, модели выбора, из которых отнюдь не всякая адекватна описанной ситуации.

Анализ различных моделей выбора жизненной стратегии [25] привел нас к выводу, что рациональность и эффективность основных из них в этих условиях очень ограничены. Речь идет о стратегии спонтанного (иррационального) выбора (выбора как акта воли), представленной в философии экзистенциализма; о стратегии рационального, оптимального "принятия решения", разрабатываемой в управленческих науках; о стратегии формирования индивидуальной психологической гибкости, описанной психологами.

Представляется, что для изучения субъективного времени может быть использована предложенная нами теоретическая модель малоизученной жизненной стратегии, которую мы называем "стратегический выбор" (СВ), или "свободный выбор", каждый шаг которого не уменьшает степень свободы шага следующего. Такой выбор может осуществиться только в условиях, которые отвечают двум основным требованиям: обеспечивают внутренние личностные предпосылки для построения новых альтернатив выбора и обеспечивают внутренние личностные предпосылки для осуществления любой выбранной альтернативы. Необходимая

предпосылка такой стратегии — обеспеченность индивида экзистенциальными элементами (потребностями, ценностями, логиками, ресурсами) для построения альтернатив выбора и готовности к наибольшему числу вариантов событий.

Стремление индивида к созданию и сохранению условий для свободного выбора рассматривается как универсальный критерий (механизм) целеполагания, сравнимый по силе с любым конкретным критерием (или их совокупностью) выбора цели.

Основные принципы (механизмы) стратегического выбора следующие: альтернативность, альтернативное построение жизни, в том числе мира целей (интенсивное наполнение субъективного времени, внутреннее проигрывание нескольких жизненных сценариев и стратегий); антиномичность (обоснованные, но противоречивые послышки, заложенные в основу выбора, например, в оценку индивидом своего жизненного ресурса как конечного и бесконечного одновременно); неопределенность, стремление индивида — в исходной ситуации, в момент выбора и после него — сохранить неопределенным (свободным) по меньшей мере один из элементов целеполагания (цель, ценности, условия), что и создает возможность конструировать новые альтернативы выбора; "случайность" выбора, необоснованность его в рамках наличных возможностей. Выбор как расчет на основе таких возможностей не расширяет круг актуализируемых потенций человека, единственный способ "выхода за рамки самого себя" — создание ситуации "прорыва" к новым целям, даже недостижимым, на новый их уровень.

Особое, ключевое место занимает пятый принцип стратегического выбора — свободное структурирование и интерпретация времени человеком. Проявления этого процесса можно наблюдать повседневно. Столкнувшись с необходимостью поставить цели, несовместимые по ресурсу или по смыслу, человек выходит из этого затруднения, разведя их во времени (сначала-потом). Другой вид структурирования времени — изменение степени его прерывности (непрерывности). Когда индивид строит свое поведение преимущественно как целерациональное, отделяя во времени цели от средств, он делает это время прерывным, снижая интенсивность его переживания в "инструментальные" периоды; в той мере, в какой индивид ориентирует свое поведение с помощью ценностей, он увеличивает непрерывность своего времени: чем больше у него ценностей, чем больше событий оказываются для него ценностно значимыми, тем непрерывнее (но и напряженнее) его переживание времени. Свободной интерпретации может быть подвергнута и основная структура времени "прошлое — настоящее — будущее". Человек может регулировать рамки настоящего как того отрезка времени, где выбор еще не сделан, его можно еще переиграть, отодвигая или сдвигая границы прошлого и будущего. В этой структуре индивид может произвольно определить и центральный ее элемент в зависимости от особенностей своей жизненной стратегии. Например, с уменьшением жизненного ресурса усиливается ориентация на прошлое, а способность откладывать вознаграждение связана с ориентацией на будущее.

Прошлое и будущее также структурируются, в них выделяются два элемента. Один — реальное, конкретное прошлое, конкретное будущее (вчера и завтра), которые непосредственно переживаются и учитываются. Этот элемент соотносится индивидом с объективным временем, хотя и в достаточно большом диапазоне. Реальным, "учитываемым" индивид считает то прошлое, где находит основания для своего выбора, а конкретным, "учитываемым" будущим — то, на протяжении которого он собирается оценивать результаты, последствия своего выбора или реально делает это. За пределами конкретных прошлого и будущего находятся абстрактные, которые не учитываются. Именно этим можно объяснить, например, "иррациональное" поведение людей, которые не считаются со статистически неизбежными его последствиями (курение,

гиподинамия и т.д.).

Некоторые из проявлений субъективного времени исследовались нами уже в начале переходного периода, в первой стадии, когда начинают ощущаться первые толчки нестабильности и переживание времени выступает особенно рельефно. Эмпирической основой для наблюдений этой стадии были результаты всесоюзного почтового (журнального) опроса, проведенного в конце 1990 г. Переживание времени рассматривалось как важный элемент общей реакции человека на происходившие изменения.

В переходных социальных системах, где социальное время особенное — разорванное и вместе с тем очень динамичное, — оно оказывает жесткое давление на людей, поэтому активное "построение" своего, субъективного времени становится необходимым. Здесь человек должен отойти от обыденной установки по отношению к времени как самостоятельной, надчеловеческой силе, принудительно ставящей и разрешающей проблемы индивидуального существования ("еще не пришло время", "время все расставит на свои места", "такое уж было время" и т.д.).

Стремясь к свободному выбору, избегая давления внешнего времени, человек интенсивно и разнообразно использует многочисленные и во многом загадочные его свойства. Пользуясь тем, что объективное время — это последовательность событий, он разводит несовместимые цели, помещая их в разные точки на "стреле времени". Произвольно определяет границы настоящего, расширяя его ("я еще не решил", "я еще подумаю") или лихорадочно проскакивая ("уже поздно, ничего не поделаешь", "поезд ушел"). Выбирает "свое", притягательно любимое или притягательно ненавидимое прошлое. В зависимости от ситуации на разный срок планирует свою жизнь. Поразному не только оценивает будущее, но и "организует" свои надежды на него, в различных дозах отпускает свое терпение.

С другой стороны, в кризисные периоды человек особенно остро ощущает время как равнодушную, отчужденную силу. Непревзойденно об этом написал В.Гроссман (хотя и по поводу иной исторической ситуации): "Время - прозрачная среда, в которой возникают, движутся, бесследно исчезают люди... Время втекает в человека и в царство-государство, гнездится в них, и вот время уходит, исчезает, а человек, царство остаются... Царство осталось, а его время ушло... Человек есть, а время его исчезло. Где оно? Вот человек, он дышит, он мыслит, он плачет, а то единственное, особое, только с ним связанное время ушло, уплыло. И он остается.

Самое трудное — быть пасынком времени. Нет тяжелее участи пасынка, живущего не в свое время... Время любит лишь тех, кого породило... Никогда, никогда не полюбит оно детей ушедшего времени...

Вот таково время - все уходит, а оно остается. Все остается, одно время уходит. Как легко, бесшумно уходит время. Вчера еще ты был так уверен, весел, силен, сын времени. А сегодня пришло другое время, но ты еще не понял этого" [26, с. 21-22].

Нерасторжимая связь, своеобразное тождество времени и человека, о котором он обычно не задумывается, становится для него предметом заботы и решений, надежд и огорчений. Это связано с тем, что ослабевает, даже исчезает чувство связи, взаимодействия элементов в структуре времени — прошлого, настоящего и будущего. В кризисной ситуации было сказано: "распалась связь времен". Ослабление связи времен человек очень редко воспринимает как благо или как нечто естественное. Часто он вообще не может смириться с этим и пытается найти нечто, что делает времена неразрывными. Например, отвечая на вопрос: "Связано ли наше будущее с нашим прошлым?" абсолютное большинство опрошенных в конце 1990 года заявило, что связано (только один из десяти сомневался в этом). В чем смысл, психологическая функция этого господствовавшего убеждения? Приводимые респондентами аргументы свидетельствуют о том, что речь шла о значимости прошлого, памяти о нем, отношении к

нему для связи времен. Это был спор о прошлом, с которым мы никак не можем психологически расстаться, его защита ("не все было плохо, что-то сделано хорошее: были песни, танцы, нищета, но труд добросовестный") или осуждение, предостережение ("сейчас идет повторение прошлого"). Было ярко выражено ощущение могущества прошлого, его сильного влияния на нашу жизнь. Будущее связано с прошлым, "да еще как", "прочно", "обязательно", "не скоро развяжемся, да и историю не переделаешь". Проявилось и понимание того, что связь — это еще не приговор ("связано, но не предопределено"), примерно каждый пятнадцатый был согласен с тем, что будущее связано с прошлым, "но не известно, как".

Защищаясь от рассогласования времен, человек может устремиться в какое-то "свое время", пытаясь психологически, ценностно укрепиться в нем. Направленность такого стремления проявилась в ответах на открытый вопрос: "О каких годах вы могли бы сказать "мое время"?" Получилась следующая картина:

1. 1941 — 1945 гг. (война)	2,9%
2. 1953 — 1970 гг.	27,6%
3. 1964 — 1984 гг.	27,2%
4. сейчас (с 1985 г.)	23,8%
5. безотносительно к социальным периодам (всю жизнь, когда я работал, пока я жив и т.д.)	5,8 %
6. впереди (еще не пришло, с 2000 г. и т.д.)	2,6 %
7. не было (нет, украли, отняли)	1,8 %

Как видим, большинство респондентов определило себя в некоторое историческое время (хотя ответы не всегда точно совпадали с историческими рамками и поэтому здесь возможны ошибки в интерпретации). Это "дети своего времени" — войны, XX съезда (преимущественно те, кому за 50 лет, интеллигенция, живущие в Москве и Ленинграде), застоя (немного чаще женщины) и перестройки (чаще молодежь, например, среди тех, кому нет 25 лет — 7 из 10). Конечно, приверженность к определенному социальному времени не может не оказывать влияния на переживание настоящего (хотя нужно учитывать и влияние "скрытой переменной" — возраста). Например, дети XX съезда и застоя в 1990 году чаще были обеспокоены ростом социального неравенства и некомпетентностью руководства, чаще теряли доверие к людям, но реже имели проблемы в отношениях с детьми, чем дети перестройки. Уход в любое ограниченное социальное время может иметь психологические издержки уже потому, что он лишает личностного смысла остальную жизнь человека, ослабляя тем самым его жизненный ресурс. Может быть, поэтому те, кто живет не столько по социальным, сколько по индивидуальным "часам", то есть определяли "свое время" безотносительно к исторической периодизации, были рациональнее, менее эмоционально агрессивны, не склонны к морализаторству, глубже понимали необходимость социальной стабильности и были более стратегичны в планировании жизни.

Однако укорененность субъективного времени в прошлом или настоящем еще не означает его беспомощности перед будущим. Способность человека организовать переживание будущего проявляется в ориентации на долговременное планирование своего существования. Из ответивших нам читателей планировали тогда свою жизнь, свои действия на несколько лет — 22,5 %, на год — 18,0 %, на полгода — 8,3 %, на месяц — 8,7 %, на один день — 7,2 %, не планировали вообще — 15,1 %. Переходное время полно неопределенностей, и многие ощущают невозможность их преодолеть ("не планирую вообще, ибо не знаю, что будет со страной", "такое чувство, якобы мы живем ненадолго, жизнь измеряется часами", "не планирую вообще, т.к. меня обещали повесить первым"). И тем не менее преобладает не краткосрочное (день, неделя, месяц), а долгосрочное (полгода, год, несколько лет) планирование. В этом отношении субъективное время участников этого опроса более стратегично, чем в другом нашем исследовании (телефонный опрос

москвичей в 1990 году), где доля долгосрочного планирования была меньше на 20 %. Скорее всего, это связано с тем, что в журнальном опросе участвовало относительно больше мужчин, в том числе с высоким социальным статусом (образованием и профессией) и большим трудовым стажем, что на первом этапе реформ временно создавало некоторую социальную защиту и позволяло планировать свои действия. У женщин, молодежи и людей с невысоким статусом планирование жизни заметно краткосрочнее. Это значит, что активность в структурировании субъективного будущего объективно зависит от социального ресурса индивида, от его реальных социальных возможностей.

Два вопроса были направлены на то, чтобы зафиксировать переживание человеком скорости течения времени в переходный период. Первый вопрос: "В какой точке переходного периода мы сейчас находимся (отметьте ее, пожалуйста, на отрезке)?" Распределение ответов: до начала — 10,2 %; начало — 70,8 %; середина — 11,6 %, к концу — 2,6 %, затрудняюсь ответить — 0,1 %. Таким образом, преобладало ощущение замедленности, даже остановки социального времени.

Другой аспект переживания человеком течения "переходного" времени — это структурирование будущего, определение границ "учитываемого" будущего. Вопрос звучал так: "Сколько продлится, по вашему мнению, наш переходный период — от нынешнего к новому состоянию общества?" (Наша обтекаемая формулировка вызвала справедливую иронию читателя: "К чему он переходный? Вы-то это сами знаете, мудрецы?"). Ответы на этот открытый вопрос распределились так:

1. До 5 лет включительно	18,1 %
2. 5-10 лет	23,1%
3. 10-30 лет	23,2%
4. больше 30 лет и до столетия	7,1 %
5. 100 лет и больше	1,4%
6. поколение (поколения)	2,6 %
7. долго (очень долго, бесконечно, вечность, у нас постоянный, всю жизнь переходный период)	9,6 %

Не будем говорить сегодня, насколько верными оказались прогнозы, сделанные 7 лет назад. Важно другое. Бросается в глаза преобладание контролируемых сроков (до 30 лет указали 64,4 % ответивших), которые в то же время не могут рассматриваться как "учитываемое" будущее, оно слишком велико для этой функции. Это говорит об экстенсивном, расширяющемся структурировании будущего. В нестабильном обществе, следовательно, границы значимого субъективного будущего могут быть гораздо шире, чем границы будущего "учитываемого", реально влияющего на выбор.

В последующих исследованиях основное внимание уделялось анализу нетерпения (терпения). Вопрос "Сколько времени вы готовы ждать перемен к лучшему?" задавался как открытый, то есть респонденту не предлагались альтернативы для ответа. Таким образом, мы получили в ответах то естественное, обыденное структурирование времени, которым люди измеряют свое терпение. Повторные опросы показали, что шкала, предложенная респондентами, устойчива. Код, разработанный в первом опросе, почти не нуждался в корректировке при последующих опросах. Речь идет о телефонных опросах москвичей в 1990, 1991 и 1993 годах. Результаты их позволили сделать некоторые выводы, имеющие отношение не только к сдвигам в социальных настроениях, но и к субъективному времени. Первые характеризовались усилением неустойчивости, что проявлялось в перемещении к первым рангам все более крайних позиций (в 1993 году — отчаяние, "нет надежды" и "всю жизнь"), и в то же время некоторым ростом потенциала терпения

(соотношения доли людей с позицией терпения и нетерпения) от 0,42 в 1991 году к 0,77 — в 1993.

Рассматривая терпение (нетерпение) как структурирование индивидуального будущего времени, нужно отметить снижение ранга у позиции "нет ответа", что свидетельствовало о все более интенсивном структурировании будущего. В то же время наблюдаемые равные ранги у полярных позиций (например, у " всю жизнь" и "терпения нет") говорят о внутренней, мотивационной неоднородности терпения. Оно может иметь по меньшей мере два различных личностных смысла: терпение как сбережение жизненного ресурса для того, чтобы выжить; и терпение как диапазон надежды, ожидания, когда оно используется для накопления жизненного ресурса, а затем легко переходит в нетерпение. Эти наблюдения требовали дальнейших уточнений.

В 1997 году было проведено специальное пробное исследование (выборка, к сожалению, не сопоставима с выборками 1990, 1991 и 1993 гг.), посвященное анализу терпения как переживания будущего. Оно позволило разработать теоретическую схему интерпретации терпения с точки зрения анализа одной из важных структур субъективного времени, а также эмпирически представить его структуру на нынешней стадии переходного периода.

Терпение (нетерпение) мы определяем как эмоциональное структурирование человеком своего будущего времени, выделение в нем различных элементов, отрезков и наполнение их различным эмоциональным и поведенческим содержанием; как оценку человеком вероятности своего терпения, то есть принятия социальной реальности в различных временных точках (интервалах) будущего. Были выделены (точнее — выделились сами) следующие варианты структуры терпения как структуры будущего.

— Нетерпение (терпения нет, не буду ждать, нисколько, ждать не хочу, 0, лимит времени исчерпан — ранг 4/7,8 % ответивших) — это отказ от структурирования будущего в категориях принятия реальности такой, какая она есть. Это сведение будущего в ближайшее "теперь", диапазон которого в нашем исследовании обозначился от 0 до 3 лет. Последняя цифра — граница между настоящим и "учитываемым будущим", которая меняется в зависимости от личной, индивидуальной и социально-исторической ситуации. По нашим наблюдениям, за последние несколько лет она придвинулась, сократившись с пяти лет в начале 90-х годов до трех лет (ранг 6/6,2 %) в опросе 1997 года.

— Собственно терпение начинается с того момента, когда человек готов произвольно (независимо от ситуации) отодвигать эту границу "учитываемого будущего", не заботясь о точном ее определении. Нужно, однако, выделить два принципиально разных варианта структуры. Для первого характерно стремление как-то определить границы терпения, пусть очень условно (лет 10, до 20 лет, несколько лет, пока вырастут дети, достаточно много — ранг 7/6,2%). Это "определенное" терпение. Второй построен на отказе от какого-либо определения сроков. Человек бесповоротно выбирает трудное будущее терпения или смиряется с ним (сколько нужно, всю жизнь, пока это время не наступит, столько, сколько потребуется, пока жива, бесконечно, вечность — ранг 2/21,3 %). Это "безграничное" терпение, заполненность будущего, как субъективного времени, соответствующими нравственными ценностями, приобщение "к вечности", которая прямо так и обозначается в некоторых ответах. будущего, как субъективного времени, соответствующими нравственными ценностями, приобщение "к вечности", которая прямо так и обозначается в некоторых ответах.

— Еще два варианта терпения — как бы его отростки, тесно привязанные, но не сводящиеся к нему, имеющие собственное значимое содержание. Один из них выражен в активной позиции (не ждать, а действовать, буду стараться их приблизить, нужно создавать это лучшее, предпочитаю действие — ранг 8/5,8 %). Это "активное"

терпение, где субъективное время не структурировано, оно заполнено спонтанной или целенаправленной активностью. Другой — "отстраненное" терпение, терпение "с обратной связью" (я их не жду, а время покажет, лучше не ждать, по принципу "на все воля Божья", все зависит от Бога, устал, но жду, как ни странно, пока есть надежда, зависит от ситуации, лишь бы не было хуже, смотря каких перемен — ранг 5/7,0 %).

— И, наконец, неопределенная, точнее — не определившаяся, позиция (пропуск вопроса, не знаю, затрудняюсь ответить — ранг 1/25,2 %). Ее не следует рассматривать как отсутствие информации. В данном случае неопределенность — это определенное состояние субъективного времени, для которого характерно слабое, неустойчивое структурирование будущего.

Каждому из этих вариантов субъективного будущего в форме терпения присуще свое специфическое ценностно-мотивационное наполнение. Например, по результатам пробного опроса 1997 года ценностные приоритеты нетерпения — большие деньги (богатство) и свобода, а приоритеты безграничного терпения — вера и уважаемая работа. Очевидная психологическая связь (логичность) варианта терпения с его ценностным обеспечением позволяет предположить, что мы имеем дело не с искусственным или автономным измерением (скажем, для политических нужд), а с нормально функционирующим элементом субъективного времени и внутреннего мира человека в целом. Поэтому имеет смысл продолжать исследование в трех направлениях: связь субъективного времени и других характеристик, элементов внутреннего мира человека (ценности, идентификация, нормативное сознание, молчание, представление о справедливости и т.д.); связь исследуемых элементов субъективного времени между собою; "социальная структура" (социально-демографический состав), характерная для различных форм и вариантов субъективного времени. Во всяком случае, на наш взгляд, очевидно, что бегло затронутые в этой статье богатства философских и психологических размышлений о субъективном времени остаются практически вне внимания социологов, в то время как могли бы во всей полноте служить исследованию времени социального.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шляпентох В.Э. Проблема времени в социологических исследованиях // Вопросы философии. 1977. №9. С. 84-96.
2. Stinchcombe A., Wendt J.C. Theoretical domains and measurement in social indicator analysis//Social indicator models / Ed. by K.C.Land, S.Spilerman. New York, 1975.
3. Костюк В.Н. Изменяющиеся системы. М.: Наука, 1993.
4. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.
5. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев: Наукова думка, 1984.
6. Ханаху Р.А., Цветков О.М. Исторический феномен в современном преломлении // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 59-62.
7. Рукавишников В.О., Хачман Л., Заперт П., Рукавишникова Т.П. Россия между прошлым и будущим // Социологические исследования. 1995. №5. С. 75-90.
8. Быстрова А. и др. Стратегия выживания населения в изменяющихся условиях // Мир России. 1995. № 2. С. 143-178.
9. Гайдеико В.П. Тема судьбы и представление о времени в древнегреческом мировоззрении // Вопросы философии. 1969. № 9.
10. Трубников Н.Н. Время человеческого бытия. М.: Наука, 1987.
11. Ярская В.Н. Развитие понятия времени // Вопросы философии. 1981. №3. 12. Аристотель. Физика. 218а. М., 1937.

13. Турсунов А. Направление времени: новые аспекты старой проблемы // Вопросы философии. 1975. N 3.
14. Бунге М. Пространство и время в современной науке // Вопросы философии. 1970. N7.
15. Эйнштейн А. Физика и реальность. М.: Наука, 1965.
16. Эйнштейн А. Сущность теории относительности. М.: Издательство иностранной литературы, 1955.
17. Рейхенбах Г. Направление времени. М., 1962.
18. Saint Augustin. Les confessions. Paris: Garnier-Flammarion, 1964.
19. Бергсон А. Время и свобода воли. М., 1910.
20. Ионии Л.Г. Понимающая социология. Историко-критический анализ. М.: Наука, 1979.
21. Эфендиева Н.М. Проблема времени в философии С.Кьеркегора // Вопросы философии. 1980. N 5. С. 152-164.
22. Критика современной буржуазной теоретической социологии. М.: Наука, 1977.
23. Филиппов Л.И. Философская антропология Жана-Поля Сартра. М.: Наука, 1977.
24. Монгардини К. Культура настоящего: изменение отношений ко времени в эпоху позднего модерна // Социологический журнал. 1995. N2.
25. Наумова Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М.: Наука, 1988.
26. Гроссман В. Жизнь и судьба // Октябрь. 1988. N 1.